
Б. Н. ПУТИЛОВ

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Разработка истории народного творчества составляет одну из самых актуальных задач современной фольклористики. Важность этой задачи определяется несколькими причинами. Только в результате широкого исторического изучения можно прийти к выявлению закономерностей развития фольклора, по-настоящему раскрыть все те художественные богатства, которые создал народ, и сделать их достоянием социалистической культуры. С другой стороны, изучение многовековой истории фольклора должно подвести нас к правильному пониманию современного состояния народного творчества и перспектив его развития. Таким образом, прошлое представляет большой интерес не только само по себе, но и тем, что объясняет настоящее.

В качестве ближайшей практической задачи разработка этой большой проблемы встала перед нашей наукой примерно десять лет назад. Конечно, вопросы истории русского фольклора как общие, так и более частные, издавна ставились в русской фольклористике. Но следует подчеркнуть, что именно в последнее время создались необходимые условия для изучения историко-фольклорного процесса в целом, развернулась широкая конкретная работа. Следствием этого были первые обобщающие труды, монографии, статьи и сборники по отдельным проблемам, новые вузовские программы и учебные пособия.

За прошедшие десять лет сделано немало. Определились основные направления исследовательской работы, выявилось то ценное, что достигнуто наукой; с другой стороны, не менее отчетливо выступили нерешенные и спорные вопросы, обозначились недостатки методологического и методического порядка.

Настоящая статья не претендует на сколько-нибудь полное подведение итогов работы. Цель ее — поставить на обсуждение отдельные, наиболее важные проблемы истории фольклора, разработка которых назрела.

* *
*

Обобщающим исследованием по истории русского фольклора является коллективный труд Института русской литературы Академии наук СССР — «Русское народное поэтическое творчество», охвативший развитие русского фольклора с X в. до Великой Октябрьской социалистической революции¹. Работа авторов лишь в известной части опиралась на ре-

¹ «Русское народное поэтическое творчество», т. I — Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в., М.—Л., 1953; т. II, кн. 1 — Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX в., М.—Л., 1955; т. II, кн. 2 — Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX в., М.—Л., 1956.

зультаты уже имевшихся исследований; в основном им пришлось самостоятельно, заново разрабатывать большой и разнообразный фактический материал, решать проблемы периодизации, уяснить особенности развития фольклора разных периодов, создавать единую концепцию историко-фольклорного процесса за много веков. При большом научном значении «Очерков», в них наглядно выявилась и неразработанность многих конкретных тем истории русского фольклора: отдельные периоды получили самую общую и схематичную характеристику; в рассмотрении истории жанров в целом и жанровых групп имеются серьезные пробелы; отдельные положения и выводы не подкреплены достаточным фактическим материалом, а некоторые важные концепции не вытекают из анализа явлений фольклора. В указанных недостатках нельзя упрекать только авторов, они отражают уровень науки, которой еще не хватает исследований, посвященных конкретным историко-фольклорным темам. Правильно раскрыть закономерности исторических процессов станет возможным только тогда, когда обобщающим трудам будут предшествовать монографические исследования по отдельным периодам и жанрам. Это, конечно, не означает, что появление «Очерков» было преждевременным. Такие первоначальные обобщения могут послужить хорошим стимулом для дальнейшего движения науки. С этой точки зрения издание «Очерков» было значительным событием, и если мы подчеркиваем присущие им недостатки, то только потому, что в изучении истории русского фольклора сейчас наступает новый важный этап, связанный с всесторонней разработкой конкретных проблем.

На первый план, в частности, выдвигаются проблемы истории отдельных жанров. В этом направлении сделано еще очень мало. А между тем категория жанра занимает ключевые позиции в историко-фольклорном процессе. Это не значит, что историю фольклора можно свести к истории жанров или их совокупности; но именно из истории жанров складывается история народного поэтического творчества. Жанры представляют собой те конкретно-исторические художественные формы, в которых происходит развитие народного творчества. При этом следует особенно подчеркнуть, что жанровая дифференциация проявляется в фольклоре специфически. Различие между жанрами ярко сказывается в их поэтике, но оно проходит в первую очередь по линии отношения к действительности. Каждый жанр связан в своем содержании и в своей форме с определенными сторонами действительности как объектом художественного изображения и представляет собою определенную систему художественного отношения к ней. Дифференциация касается также общественных функций отдельных жанров, их бытования, особенностей исполнения. Разумеется, жанры народно-поэтического творчества не изолированы один от другого, они находятся в сложном взаимодействии между собой, но при всем том любой из фольклорных жанров отличается свойственными ему характерными качествами. У каждого жанра есть своя история. В возникновении, развитии и угасании жанров, в смене одних жанров другими, в их взаимодействии (а иногда и в борьбе, во взаимном отталкивании) получает свое проявление историко-фольклорный процесс.

Фольклорный жанр не есть эстетическая абстракция; его художественная природа, его специфика проявляются лишь в конкретных произведениях. Произведения фольклора не существуют вне определенной жанровой системы и не могут быть поняты вне ее.

Монографическая разработка истории отдельных жанров является сейчас одной из наиболее актуальных научных задач. Надо стремиться к тому, чтобы содержание, образы, поэтика отдельных жанров изучались в историческом аспекте. Очень важно преодолеть традиции прежнего подхода, при котором жанры были чем-то постоянным и неизменным, изучались суммарно. Историзм при исследовании жанров фоль-

клора требует конкретного изучения произведений данного жанра. Необходим широкий и тщательный исторический анализ фольклорных текстов, направленный на установление их жанровых особенностей и закономерностей развития. Историческое изучение жанров не может вестись выборочно. Должны изучаться все жанры. Конечно, значение отдельных жанров в истории русского фольклора неодинаково, и это надо учитывать.

Хотя в связи с историческим изучением каждого жанра встают свои специфические вопросы, возможно и целесообразно попытаться выделить некоторые узловые проблемы, общие для всех жанров и требующие первоочередной разработки.

Значительную актуальность представляют проблемы генезиса фольклорных жанров. Как известно, дореволюционная фольклористика немало занималась этими проблемами, но не могла их решить. На новых методологических основах их стали изучать сравнительно недавно, причем в первую очередь обратились к таким жанрам, истоки которых уходят в доклассовое общество, — эпосу и волшебным сказкам. Принципиально важными в этом отношении представляются работы В. М. Жирмунского об эпическом творчестве славянских народов, народов Средней Азии и Западной Европы², В. Я. Проппа — о русских былинах и о волшебной сказке³, Е. М. Мелетинского — о волшебной сказке⁴. Во всех названных работах есть некоторая общность в подходе к историко-генетическим проблемам. Во-первых, проблемы эти решаются на основе широкого сравнительного изучения, базирующегося на методологии марксизма-ленинизма и порывающего со старым формалистическим компаративизмом⁵. Во-вторых, генезис эпоса и сказки исследуется в связи с социальными и историко-бытовыми основами этих жанров. Самое понимание такой связи принципиально отличается от методики старой этнографической школы, которая ограничивалась преимущественно поисками в фольклоре прямых отражений различных институтов и бытовых явлений древности. Эпос и сказка в названных работах рассматриваются как результат художественного творчества, как явления, возникающие в условиях определенных социальных коллизий, общественных противоречий, исторических потрясений. При этом этнографический материал широко вводится в исследование и помогает понять происхождение этих жанров⁶. В-третьих, генезис эпоса и сказки предстает в названных исследованиях как строго закономерный процесс, исторически обусловленный и по необходимости выливающийся в определенные художественные формы, как процесс качественных переходов от одних форм художественного воспроизведения действительности к другим. В-четвертых, наконец, исследование вопросов генезиса непосредственно связано в этих работах с выяснением содержания и идейного значения эпоса и сказок.

² См.: В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, Доклад на IV Международном съезде славистов, М., 1958; его же, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960, и др.

³ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955; изд. 2-е, исправленное и дополненное, М., 1958; его же, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946.

⁴ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки, М., 1958; его же, Генезис образа героя волшебной сказки, «Изв. АН СССР. Отдел литературы и языка», т. XVI, вып. 2, 1957.

⁵ См. об этом в названном докладе В. М. Жирмунского на IV Международном съезде славистов. См. также: В. М. Жирмунский, Сравнительно-историческое изучение фольклора, «Проблемы современной фольклористики» (Авторефераты докладов на Всесоюзном совещании фольклористов в 1958 г.), Л., 1958.

⁶ См.: Е. М. Мелетинский, Генезис образа героя волшебной сказки, стр. 131, 133 и др.

Проблемы генезиса (особенно ранних жанров фольклора) принадлежат к числу сложнейших. Правильная постановка их открывает возможности для исследования истории жанров на всем протяжении их многовекового развития. Поэтому одной из насущных задач фольклористики является историко-генетическое изучение разных ранних жанров — обрядовой поэзии, некоторых видов сказок и т. д. Историко-генетическое изучение — это та область, в которой фольклористика особенно тесно связана с этнографией. Такая связь необходима и весьма плодотворна, потому что, как правильно утверждают некоторые советские ученые, на стыках смежных научных дисциплин происходят значительные научные открытия⁷.

Такое изучение даст также возможность правильно и всесторонне использовать фольклор как историко-этнографический источник. Несомненно, что ряд сюжетов, мотивов и образов фольклорных произведений связан с представлениями, социальными институтами и бытовыми явлениями родового общества. Но они отражают их не так прямолинейно, как представляется в некоторых исследованиях, а в специфической исторически обусловленной художественной форме, и раскрыть смысл их можно только посредством углубленного историко-генетического анализа.

Особо стоит задача изучения генезиса тех жанров, которые возникли и сформировались в классовом обществе. К эпохе феодализма (к разным его периодам) относится создание таких жанров русского фольклора, как исторические песни, отдельные виды бытовой лирики, баллады, некоторые виды сказок и др. К эпохе развития капитализма относится появление более поздних видов бытовой лирики, баллады и сказки, а также частушки, жанров рабочего фольклора. В имеющихся немногочисленных работах внимание обращено преимущественно на вопросы хронологии. Так, мы спорим о том, к какому периоду относится возникновение жанра исторической песни. Мы пытаемся соотнести отдельные явления фольклора с определенным временем. Проблема хронологии связывается с выяснением исторических основ данного жанра. Об исторических песнях, например, говорят, что они стали возникать в условиях формирования национального государства, либо их возникновение относят ко времени борьбы русского народа с татарским игом и т. д. Истоки многих лирических песен ищут в XVII в.

Между тем генетические проблемы гораздо сложнее и разнообразнее. Разумеется, одна из основных задач — установление той исторической почвы, на которой возникает данный жанр, и отсюда — определение хронологических рамок. Но мы должны стремиться эту историческую основу устанавливать не так общо, как это до сих пор делалось, а выявлять конкретные социально-исторические коллизии, порождающие новое содержание и новые формы народного творчества. Самое же важное состоит в том, чтобы исследовать процессы рождения нового, обусловленные исторически, и раскрыть сложные и разнообразные взаимоотношения новых, нарождающихся жанров со старыми, уже сложившимися. В этом смысле взаимоотношения исторической песни и былины, баллады и былины, бытовой лирической песни и песни обрядовой, бытовой сказки и сказки волшебной составляют, несомненно, одну из значительных проблем историко-генетического исследования.

От вопросов историко-генетических — прямой путь к вопросам исторического развития жанров. При изучении истории любого жанра встает ряд общих вопросов. Это, во-первых, соотношение жанра и действительности: внутренняя историко-социальная обусловленность содержа-

⁷ Д. С. Лихачев, *Итоги и перспективы изучения древнерусской литературы в свете задач построения истории литературы, «Изв. АН СССР. Отдел литературы и языка», т. XIII, вып. 5, 1954, стр. 419.*

ния жанров, отражение в них определенного комплекса явлений действительности; характер выражения в них народных представлений и идеалов; конкретно-классовые моменты в их содержании. Во-вторых, жанр как исторически развивающаяся художественная система: вопросы сюжетосложения, композиции, стилистики; принципы изображения человека, приемы создания образа. В-третьих, общественно-бытовая функция жанра, его место в народной жизни, связь его с различными сторонами народного быта, общественной жизни, производственно-хозяйственной деятельности. В-четвертых, проблема бытования, исполнительства, личного мастерства — применительно к каждому жанру. В-пятых, различные областные традиции и линии в развитии жанра. В-шестых, жанр в его поздних судьбах: угасание отдельных жанров, идейно-художественная трансформация и т. д.

Ключевая среди перечисленных проблем — отношение данного жанра к действительности, ибо здесь скрещиваются вопросы содержания и формы, общественной функции и бытования, областных различий и поздних судеб. Важно установить, что нового вносит данный жанр в изображение действительности, в художественное осмысление ее народом. В этом случае поступательное движение народного творчества раскроется объективно и достаточно полно как специфический в своих формах процесс художественного освоения мира. При таком подходе неизбежно встанет вопрос и о художественных потерях, которые несет народное творчество по мере затухания отдельных жанров и их выключения из живого бытования; будут созданы необходимые условия и для анализа народного творчества во всей его сложности, в частности в его исторической ограниченности, и для правильного решения вопроса об основных общих закономерностях развития фольклора и о его исторических судьбах.

Изучение жанров в их историческом развитии создает возможности для ряда обобщений в области развития фольклора в определенный исторический период. На основе ряда таких обобщений возникнет в итоге законченная картина истории русского фольклора⁸.

Такой подход требует создания научной периодизации истории фольклора в целом, выяснения особенностей фольклора каждого периода и соотнесения их с особенностями фольклора предшествующего и последующего периодов.

Основной недостаток существующей периодизации русского фольклора тот, что она исходит не из анализа самого фольклора, а заимствована из периодизации, принятой при изучении истории СССР. Необходимость учитывать специфику фольклора как своеобразного вида искусства, как коллективного творчества лишь декларируется, но не осуществляется. Поэтому опыты периодизации, которые предложены в различных трудах, правильное рассматривать как предварительные, рабочие, подлежащие серьезному пересмотру⁹. Подлинно научная пе-

⁸ По этому принципу построен, например, трехтомник «Русское народное творчество». Вся история русского народно-поэтического творчества рассматривается здесь по периодам. Сначала дается общая характеристика фольклора данного периода, затем она конкретизируется на материале отдельных жанров (также в пределах этого периода).

⁹ М. О. Скрипиль, Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVII вв.), «Русский фольклор. Материалы и исследования», I, М.—Л., 1956; А. Н. Лозанова, Вопросы периодизации русского народного поэтического творчества (от XVIII в. до кануна Великого Октября); там же. «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов», под общей редакцией П. Г. Богатырева, изд. 2-е, дополненное и исправленное, М., 1956 (главы по истории русского фольклора; авторы — К. В. Чистов и Б. Н. Путилов); В. И. Чичеров, Народное поэтическое творчество в период образования и развития русской нации, «Вопросы формирования русской народности и нации», Сборник статей, М.—Л., 1958.

риодизация русского фольклора может быть создана лишь в результате глубокого и всеобъемлющего исследования процессов его исторического развития, которые должны изучаться в их обусловленности исторической действительностью. История народного творчества должна рассматриваться на основе марксистско-ленинского понимания истории народа. А это означает, что периодизация во всем ее объеме может быть создана лишь в итоге исторического изучения народного творчества, а не предварять это изучение.

В настоящее время самая важная задача в этой области — периодизация истории отдельных жанров и сопоставление выводов по разным жанрам. Такое сопоставление позволит выяснить, в какой степени можно говорить о синхронности, об общности основных процессов, совершающихся в разных жанрах в пределах одной исторической эпохи. Авторы «Очерков» считают, что для всех жанров характерна общность ведущих процессов, что все (или почти все) жанры в определенных исторических условиях развиваются в одном направлении, обнаруживают общие тенденции, претерпевают одни и те же изменения. Такой подход нуждается, на наш взгляд, в серьезной критической проверке. В отдельных разделах «Очерков» такого рода утверждения не всегда опираются на достаточную фактическую основу, по-видимому, недостаточно учитывается специфика отдельных жанров, конкретные особенности их истории. Отсюда вытекает необходимость при историческом изучении вскрывать те качественные процессы, которые определяют основные этапы (или периоды) истории жанров, намечать периодизацию отдельных жанров и идти затем к более широким обобщениям.

* * *

*

Историческое изучение народно-поэтического творчества встречает на своем пути много трудностей. Одна из них, едва ли не основная, связана с особенностями материала, подлежащего исследованию. С одной стороны, ранние периоды истории большинства жанров почти не отражены в современных (т. е. относящихся к этим периодам) записях. В связи с этим на долю фольклористов выпадает очень трудная задача — реконструировать фольклор на основании различных, порою косвенных материалов. С другой стороны, нужна очень сложная и кропотливая работа по выделению в массе записей позднего времени того, что современно моменту записи, и того, что принадлежит исторически более ранним слоям. Эти два основных вида историко-фольклорного анализа направлены к единой цели, но должны строиться на различных методических принципах и практически могут проводиться раздельно, хотя очень важно, чтобы результаты такой работы критически сопоставлялись. В современной науке можно найти много примеров такого различного подхода к изучению одного и того же материала. Так, одни и те же тексты были анализируются учеными, которые восстанавливают картину возникновения и ранней истории русского эпоса, и учеными, исследующими судьбы эпоса на поздних этапах его истории. Для одних исследователей сказки в записях, скажем XX в., служат сравнительным материалом при выяснении историко-генетических проблем; для других они представляют интерес в плане выяснения творческих процессов, характерных для сказок в наше время. Очевидно, специфика самого материала такова, что она не только позволяет, но и требует различного к нему подхода. Все дело, однако, в том, что ни методологически, не методически в нашей современной науке эта возможность разных подходов не исследована и не обоснована. В этом отношении работы последних лет дают большой материал для раздумий и критических замечаний.

Рассмотрим прежде всего работы, посвященные истории фольклора древней Руси, в том числе — первый том «Очерков». Как известно, подлинных записей фольклора, современных той эпохе, почти нет. Историками древней русской литературы и отчасти историками фольклора проделана большая работа по выявлению и исследованию разнообразных народно-поэтических реминисценций в произведениях литературы и в памятниках письменности русского средневековья. Добытый материал рассматривается обычно как основной, а иногда и как единственный надежный источник для восстановления отдельных моментов истории фольклора. В качестве такового он фигурирует и в первом томе «Очерков». Но материал этот во многих отношениях ограничен, явно не полон, отрывочен; к тому же это материал косвенный (не подлинные тексты, а письменные свидетельства и упоминания, литературные переработки, аналогии, стилистические параллели и т. п.). Поэтому в «Очерках» неизбежно имеются серьезные пробелы в характеристике целых жанров и отдельных жанровых видов (сказки, обрядовая и необрядовая лирика, баллады и др.). Превосходный анализ исторических преданий X—XI вв., осуществленный Д. С. Лихачевым, тонкое исследование сказок и песен XVII в., проведенное В. П. Адриановой-Перетц (оба исследователя в разработке своих тем почти не выходят за пределы материала, современного изучаемым эпохам), конечно, говорят в пользу того, что данные, извлекаемые из литературных памятников, при умелом обращении с ними могут принести очень много пользы. И все-таки этого недостаточно. Литературные источники слишком скудны и случайны, они не охватывают и малой доли богатств народной поэзии. Конечно, нам надо и дальше совершенствовать методику анализа древнерусского литературного материала, заключающего в себе фольклорные реминисценции, и прежде всего — выработать приемы установления жанровой природы этих реминисценций, методику сюжетных реконструкций, более широкого и надежного сопоставления древних фольклорных мотивов, образов, стилистики с живой (поздней) народно-поэтической традицией. В этом отношении авторами первого тома «Очерков» использованы не все возможности. Однако главная задача, по нашему мнению, состоит в том, чтобы для изучения истории фольклора древней Руси был по-настоящему открыт такой поистине неисчерпаемый источник, как поздние записи произведений народной поэзии.

Для некоторых жанров это уже сделано. Напомню, что в первом томе «Очерков» подробно исследуются былины и исторические песни как творчество разных периодов истории древней Руси, причем авторы соответствующих разделов книги берут материал из поздних и позднейших записей. Но во многих случаях этого не делается. Например, для характеристики фольклора XIII—XIV вв. не привлекаются песни о татарском полоне («Авдотья Рязаночка», «Князь Роман и Марья Юрьевна» и др.); вовсе не рассматриваются баллады (о князе Романе, о Домне, о князе Михайле и др.), содержание которых соотносится с действительностью русского средневековья. В предисловии «От редакции» такой отбор получает свое объяснение: «...Возможности решения многих вопросов истории народно-поэтического творчества до второй половины XVIII века сильно ограничены. Это в первую очередь относится к тем видам народной поэзии, которые не содержат в себе прямых или косвенных отзвуков определенных исторических событий и потому не могут быть с достаточной убедительностью приурочены к тому или иному историческому периоду, — таковы многие сказки, обрядовые и лирические песни, загадки и т. д.» («Очерки», т. I, стр. 8). Отсюда можно сделать только один вывод: необходимо искать в таких жанрах какие-то иные возможности для исторического их изучения. В этом отношении интересные пути намечает книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос». Здесь историко-фольклорное исследование хотя и ведется на ма-

териалах произведений с историческим содержанием, но отнюдь не опирается только на анализ «прямых или косвенных отзвуков определенных исторических событий», а захватывает гораздо больший круг художественных явлений русского эпоса. Анализу подвергается художественное содержание эпоса как жанра, связанного в своем развитии с жизнью и мировоззрением народа на разных этапах его истории. В принципе такой анализ может быть произведен и в отношении других жанров, только необходима в каждом отдельном случае своя методика. В. Я. Пропп постоянно учитывает то обстоятельство, что былины, которые он исследует, исполнены певцами, жившими в XVIII—XX вв. Но это не мешает ему смело воссоздавать содержание эпоса глубокой старины, реконструировать народный эпический замысел, прослеживать живую историю былин. Нам представляется плодотворным убеждение В. Я. Проппа в том, что былины, записанные в позднее время, должны рассматриваться в первую очередь как художественное наследие прошлого, хотя и претерпевшее некоторые изменения в процессе длительного бытования. Это относится не только к былинам, но и к ряду других жанров народного творчества, что вполне подтверждается при ближайшем их анализе. К такому убеждению постепенно приходят многие историки русского фольклора¹⁰.

Один из неиспользованных еще путей расширения фактической базы и углубления методики исследования фольклора древней Руси — сравнительный анализ материалов народного творчества восточных славян. В качестве примера можно было бы назвать русские, украинские и белорусские песни о татарском и турецком плене, обнаруживающие большую внутреннюю общность. Исследование показывает, что эти песни восходят к временам татарского ига и что первоначально они возникли как народное творчество той эпохи, когда обозначились предпосылки, а затем начался процесс складывания великорусского, украинского, белорусского народов. Дальнейшая судьба этого творчества сложилась по-разному, в зависимости от конкретных условий исторической жизни трех народов. Сравнительный анализ показывает и специфику русских, украинских и белорусских песен, и черты, их объединяющие. В итоге может быть довольно отчетливо восстановлена заметная страница истории русского фольклора. Имеются и другие темы, освещению которых поможет сравнительное изучение фольклора восточных славян.

Намечая ряд актуальных проблем историко-фольклорного исследования, не следует забывать, что уяснение закономерностей развития народного творчества древней Руси на протяжении почти восьми столетий имеет первостепенное научное значение. Если историки литературы

¹⁰ См., например, работы по истории отдельных жанров и произведений фольклора древней Руси: А. В. Позднеев, Лирические песни XVII века (К вопросу о репертуаре), «Русский фольклор. Материалы и исследования», I, М.—Л., 1956; Л. С. Шептаев, О репертуаре русской народной бытовой песни XVII века, «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 134, Кафедра русской литературы, Л., 1957; Б. Н. Путилов, Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злосчасти», Труды Отдела древнерусской литературы, XII, М.—Л., 1956; его же, Песня о Щелкане, «Русский фольклор. Материалы и исследования», III, М.—Л., 1958; В. К. Соколова, Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного), «Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян», Труды Ин-та этнографии АН СССР, н. с., т. XIII, М., 1951; В. Я. Пропп, Песня о гневе Грозного на сына, «Вестник Ленинградского университета», № 14, Серия истории языка и литературы, вып. 3, Л., 1958; А. Робинсон, К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей древней Руси, «Основные проблемы эпоса восточных славян», М., 1958; В. В. Митрофанова, К вопросу о редакции былин старинных русских записей, «Русский фольклор. Материалы и исследования», II, М.—Л., 1957; В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований), Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XL, М., 1956.

утверждают сейчас, что без привлечения древнерусского материала не могут быть по-настоящему решены существенные проблемы истории русской литературы в целом, то материалы фольклора древней Руси совершенно необходимы для понимания истории фольклора XVIII—XX веков и, вероятно, не только у русского народа, а и в определенной степени — у братских восточнославянских народов.

Свои проблемы возникают и при изучении истории фольклора на поздних ее этапах. Основная трудность при их разрешении состоит, по нашему мнению, в том, чтобы научно объективно и достаточно надежно установить, что же в изучаемом явлении создано современностью и отражает ее и что принадлежит традиции, и далее — в какой степени и в каких границах эта традиция испытала воздействие современности. Речь идет в первую очередь о таких жанрах и произведениях, которые возникли, очевидно, не в рассматриваемые поздние периоды, а в более ранние. Такая работа предполагает не механическое разложение цельного художественного организма. Она может дать научные результаты лишь в том случае, если будет базироваться на историческом и текстологическом анализе и будет свободна от априорных установок. До сих пор научно-объективному изучению поздних этапов истории традиционных жанров серьезно препятствуют некоторые, мы бы сказали, каноны фольклористической мысли, в незыблемость которых мы постепенно уверовали, решив, что они не подлежат критической проверке. Такова идея, согласно которой любое явление фольклора, возникшее в определенную эпоху и отображавшее действительность этой эпохи, затем в процессе своей истории неизбежно претерпевает качественные изменения, идейно и художественно совершенствуется, обогащается, шлифуется, вбирает и отражает новый социальный опыт народа и становится своеобразной формой идейно-художественного осмысления современности. Такого рода убеждения высказываются и в общей форме как определенные методологические установки и реализуются в конкретных исследованиях. Выраженные с разной силой и с разной степенью осторожности, они составили одну из основных идей первой и особенно второй книги второго тома упомянутых «Очерков». Некритический априорный подход к проблеме исторических изменений в традиционных жанрах фольклора вызывает решительные возражения. Такой подход приводит к тому, что авторы работ не ищут серьезной аргументации, не подвергают строгой критической проверке свои выводы, а глубокий анализ материала подменяют простым подбором примеров, убедительность которых нередко весьма сомнительна. В ряде случаев происходит в сущности компроматация важной идеи о том, что фольклор есть исторически развивающееся искусство и что развитие происходит как путем создания новых произведений и новых жанров, так и путем творческого преобразования традиции.

При изучении поздних исторических судеб какого-либо традиционного жанра необходимо исходить из жанровой специфики материала, следует учитывать потенциальную способность данного жанра воспринимать новое и так или иначе откликаться на современность. Так, былины, волшебные сказки и причитания в одних исторических условиях и в одной среде претерпевают изменения во многом различного характера. Здесь многое зависит от разного отношения народа к своему многожанровому поэтическому наследию, от различия общественно-бытовых функций разных жанров. Необходимо учитывать и общее состояние данного жанра в определенный исторический период.

Необходимо также всесторонне учитывать конкретно-исторические условия изучаемого периода. Народное творчество живет в самой гуще трудовых масс, и оно может отражать новое постольку, поскольку это новое сознательно или стихийно воспринято массами. Поэтому такое отражение носит не абстрактный, но вполне конкретный характер и свя-

зано с реальными условиями народной жизни. Это положение хорошо обосновано в последнее время в работах К. В. Чистова¹¹.

К. В. Чистов в первой из названных работ показывает, что содержание и идейный пафос плачей Ирины Федосовой отражают не вообще положение русского пореформенного крестьянства в целом, но характерные особенности жизни той части северного крестьянства, выразительницей мировоззрения которой была замечательная вопленица.

Чрезвычайно важно в общеметодологическом плане правильное решение проблемы творческих изменений традиционных жанров фольклора. Оно поможет более четко определить пути исторического изучения фольклора в целом.

Необходимо подойти к традиционному устному народному творчеству как к художественному наследию прошлого. До тех пор пока это наследие живёт в народе, оно в основной части не является реликтом, а многими нитями связано с современностью. Связь эта может и не выражаться прямо, текстуально; она прослеживается иногда в восприятии произведений фольклора народом, в их оценке, иногда в отдельных элементах нового, которые вносятся в произведение. Наконец, в отдельных случаях она вызовет переработку и переосмысление традиции. Традиция и новое находятся подчас в состоянии сложного сплава. Но известны случаи, когда они соединяются чисто внешне. Все эти и другие формы связи народно-поэтической традиции и современности должны изучаться конкретно, без предвзятого подхода.

По нашему глубокому убеждению, относительно ряда традиционных жанров фольклора можно предполагать, что они не подверглись каким-то качественным, внутренним преобразованиям, и в результате анализа того нового, что вошло в них в поздние периоды, может быть выделена художественная основа, которая принадлежит прошлому. А это значит, что в принципе возможно успешное исследование почти всех жанров русского фольклора на всем протяжении их истории. Главная задача состоит в том, чтобы, преодолев трудности методологического порядка, а также вызванные недостатком и особенностями материала, всесторонне разработать методику историко-фольклорного анализа.

* *
*

Лишь в отдельных работах последнего времени встречаются попытки сформулировать основные методические принципы и, в связи с этим, выдвинуть на обсуждение нерешенные вопросы. Многим нашим исследованиям по истории русского фольклора недостает методической строгости. Критическое изучение большого числа работ приводит к некоторым выводам и предложениям.

Необходимо решительно отказаться от «цитатной» методики. При таком подходе многие выводы делаются на основе извлечения отдельных цитат из произведений. Между тем, анализ только тогда будет продуктивным, когда он будет направлен на изучение целого. В одних случаях этим целым является сюжет, в других — система образов или центральный образ. Мы думаем, что для ряда жанров именно анализ сюжетов может дать наиболее значительные результаты (былины, сказки, исторические песни, баллады). К такому выводу приводит знакомство с исследованиями последних лет в области этих жанров. Разумеется, речь идет об анализе сюжетов в марксистском понимании: сюжет есть конкретная художественная форма, в которой сосредоточено кон-

¹¹ К. В. Чистов, Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества, Петрозаводск, 1955; его же, Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки», «Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. VIII, Петрозаводск, 1957.

кретное содержание данного произведения; в этом смысле сюжет каждого произведения неповторим; как таковой, как живой художественный организм,— со своим конкретно-историческим содержанием, своей идеей, своей системой образов и стилистикой,— он и должен изучаться. Особенно плодотворным является изучение определенного ряда сюжетов, которое может подвести к уяснению общих закономерностей развития жанра на определенном отрезке истории. Анализ сюжета как целого дает возможность достаточно определенно выявить то новое, что явилось результатом поздних творческих изменений, вносимых исполнителями, и установить, в какой степени произведение сохранило традиционные черты. Методика текстологического анализа произведений тех жанров, в которых категория сюжета либо слабо развита, либо вовсе отсутствует, требует дальнейшего изучения.

Нет необходимости доказывать, что научный анализ предполагает привлечение всех известных вариантов изучаемого произведения. На практике, однако, это соблюдается далеко не всегда. Между тем варианты — исторически сложившаяся конкретная форма, в которой живет, развивается, изменяется произведение народного творчества. Изучение вариантов выборочно, субъективизм в их оценке могут лишь привести к неверным выводам. В современной фольклористике преобладает, пожалуй, понимание варианта как такого текста, в котором более или менее определенно отражаются, во-первых, поздние творческие изменения (чаще всего речь идет именно о них), во-вторых, областные традиции, в-третьих, «личное начало». Такое понимание, поскольку оно подтверждается большим числом фактов, нет оснований полностью оспаривать. Но оно не исчерпывает всей сложности проблемы и не объясняет многих фактов истории народного творчества. Такое понимание основано на убеждении в том, что первоначально существовала одна единственная форма данного произведения, имелся один, так сказать, канонический, исходный текст, а затем, в силу законов устности и изменчивости, присущих фольклору, стали появляться варианты. Другими словами, любой вариант является производным от искомого текста.

Если обратиться к некоторым исследованиям последнего времени, то можно увидеть в них иное отношение к варианту. В качестве наиболее яркого примера можно опять-таки сослаться на книгу В. Я. Проппа о русском героическом эпосе. В. Я. Пропп учитывает все те особенности вариантов, о которых говорилось выше, но считает возможным рассматривать ряд вариантов одной былины как равноправные формы реализации единого народно-поэтического замысла, который связан с определенным сюжетом и определенными персонажами, но не восходит к одному первоначальному тексту. Такая возможность обусловлена спецификой коллективного народного творчества. Продолжая мысль В. Я. Проппа, приходим к другому важному положению: народный художественный замысел может получить в процессе своей реализации несколько различных выражений, в результате чего возникают различные версии (редакции) одного сюжета, и версии эти не могут быть возведены в своих истоках к какому-то одному тексту¹².

Как бы ни подходить к пониманию природы варианта, необходима крайняя осторожность в оценке каждого конкретного варианта, в определении его места в истории сюжета, в его историко-хронологическом приурочении. Существует заблуждение, заключающееся в том, что вариант, записанный в определенное время, рассматривают как современную версию (редакцию) произведения. Нередко преувеличивается роль областных воздействий и «личного начала». Необходим более объективный подход к варианту, который уберет нас от поспешных выводов.

¹² См. об этом подробнее: Б. Н. Путилов, Песня о Щелкане (цит. выше).

Третий принцип текстологического анализа состоит в критическом отношении к источникам. Огромный материал фольклорных записей и публикаций, как известно, очень неравноценен. Остановимся здесь на одном моменте — на большой засоренности известных публикаций различного рода подделками: скрытыми перепечатками, иногда буквальными, иногда слегка подправленными; отредактированными текстами; сочинениями «под фольклор», выдаваемыми за подлинные записи. Выявление таких подделок — работа чрезвычайно трудоемкая, сложная и в ряде случаев не дающая бесспорных результатов. Она требует тщательного текстологического (в частности, сравнительного) и историко-фольклорного анализа с учетом установок собирателей и с разысканиями в истории фольклористики. Сплошной критической проверки требуют тексты, например, исторических песен. Очень важно провести строгую проверку в историографическом плане многих сборников и публикаций традиционного фольклора. Для примера можно назвать собрания А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомарова¹³, ряд сборников казачьего фольклора¹⁴ и др.

* *
*

Решительный поворот к историческому изучению народного творчества — отличительная особенность всей современной советской фольклористики. В союзных республиках также разворачивается работа над историей национального народного творчества, этим занимаются академии наук и их филиалы, университеты и педагогические институты, краеведческие музеи. Стали все чаще появляться очерки по истории народной поэзии, сборники статей и монографии на эту тему, исследования по истории отдельных жанров, историко-фольклорные обзоры в трудах по гражданской истории и по истории литературы, построенные на материале фольклора народов нашей страны. Можно сказать, что разработка проблем истории поэтического творчества народов СССР становится делом большого коллектива советских фольклористов. Тем более важно сейчас, когда в науке накопился известный опыт, сообщать первоочередные вопросы исторического изучения фольклора. В этом обсуждении неизбежны и даже необходимы творческие споры. Критический пересмотр сделанного, переоценка некоторых концепций и представлений, являющихся данью догматизму, творческая разработка методологии истории фольклора, основанная на незыблемых принципах марксизма-ленинизма, углубление и расширение исследований по истории фольклора, — такими представляются основные задачи науки о народном творчестве в наши дни.

SUMMARY

One of the most pertinent tasks of present-day folklore studies is the elaboration of the history of folk art. Among the problems that are now coming to the fore are those of the history of various genres, inasmuch as the genres are the concrete forms in which folk art is vested and in whose history the historical progress of folklore is manifested.

¹³ «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым», «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым», т. IV, М., 1862.

¹⁴ См.: «Песни уральских казаков. Записали Александр и Владимир Железновы», СПб., 1899; «Песни оренбургских казаков. Собрал А. И. Мякутин», вып. 1—2, Оренбург, 1904—1905; «Песни сибирских казаков», вып. 1, Птг., 1916; А. Пивоваров, Донские казачьи песни, Новочеркасск, 1885; «Народное творчество Дона», кн. 1, Редакция текстов, вступительная статья и комментарии П. Т. Громова, Ростов-на-Дону, 1952; «Гребенцы в песнях. Собрал Ф. С. Панкратов», Владикавказ, 1895.

The main among these problems are those of the origin and historical source of various folklore genres, their historical development at different stages, their relation to life, the elaboration of poetic media characteristic of each genre, the problem of the development of the various genres in later historical conditions and in different settings (regional traditions, etc.).

Seeing that Russian folklore of all genres was mostly recorded in its later variants, the purpose of the historical and folklore analysis of the text should be to bring out the elements synchronous with the period when the given work was taken down in writing, and the elements dating from earlier periods. Since in the later period the folklore of the early epochs is, as a rule, treated primarily as artistic legacy and the changes introduced in different works may therefore not be of a qualitative nature, the later records allow us to analyse traditional folklore genres throughout the entire period of their development. For this purpose it is necessary to evolve comprehensive scientific methods for such an analysis (this includes abandoning the method based on quotations, analysing the work in its artistic integrity, and also a dialectic approach to the problem of variants and a strictly critical approach to sources).

Of great importance for the historical study of folklore is a comparative-historical analysis, based on Marxist methodology, of all pertinent facts, and a wide recourse to ethnographic data.
